

Маньчжурские документы о деятельности Пекинской духовной миссии

Т. А. Пан

Формирование маньчжурского фонда Рукописного отдела Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН в значительной степени принадлежит деятельности членов Пекинской духовной миссии, которые собирали и привозили в Петербург книги, рукописи, документы, собственные переводы с маньчжурского и на маньчжурский язык. В *Описании маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР* М. П. Волковой материалы, касающиеся миссии выделены в отдельный раздел «Архив миссии».¹ Тем не менее, привезенные ими книги и рукописи, распределены по всему фонду, а их русские переводы хранятся в Архиве востоковедов. Раздел «Архив миссии» в основном состоит из ученических упражнений переводов с одного языка на другой, копий деловой переписки обеих стран и небольшого количества документов, касающихся непосредственной жизни миссии в Пекине. Документы охватывают период с конца 18 века до середины 19 века и в основном принадлежат ученикам и сотрудникам 10 миссии, возглавлявшейся архимандритом Петром Каменским. Поскольку до 1861 г. Духовная миссия являлась и дипломатическим представительством России в Китае, то в фонде имеются копии переписки китайской Палаты внешних сношений (Лифаньюань) с русским Сенатом, письма о пограничном вопросе, посольствах и торговых караванах. Большинство из этих документов доступны на китайском и русском языках и отражены в многотомной работе *Русско-китайские отношения в 17-19 веках*, изданной московскими китаеоведами под редакцией С. Л. Тихвинского в период с 1969 по 1995 гг. Поэтому в настоящей статье мы остановимся на редких маньчжурских текстах, касающихся повседневных проблем Миссии.

Общеизвестно, что члены Пекинской духовной миссии находились в непосредственном подчинении Палаты внешних сношений (Лифаньюань), которая назначала чиновника, ответственного за дела миссии и приезжавших посольств, останавливавшихся на Посольском подворье. Начальник миссии в

¹ Волкова М. П. *Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР*. Москва, 1965, с. 108-127.

письменном виде на маньчжурском языке (который являлся основным в их деловом общении) должен был сообщать обо всех событиях и переменах, происходивших на территории подворья. Самым ранним подобным документом в собрании Рукописного фонда является докладная записка отца Иакинфа Бичурина от 3-го дня 7-ой луны 16-го года правления Сайчунга фэксэнь (21 августа 1811 г.) по поводу случившейся кражи в жилых помещениях. Текст записки следующий:

Oros da lama Iwakingfu-i bithe / oros kuren-i baita be kadalara hafan Boo looye de aliburengge. / boolari jalin. ninggûn biyai gûsin de jaci lama Arkadii / minde [alaha—зачеркнуто Бичуриным] bithe alibuha bade. bi ilan tacire urse. aisilame nomun / hûlara niyalma Pi halangga-i baru amargi tanggin de genefi / šun dabsiha erinde marifi tuwaci. mini hûlaha fa // deri dosika songko bi. amala kimcime baicame tuwara de / fa neihe bicibe. An-i yaksifi da hadaha jinggeri be / dasame hadaha. dorgi giyalan booi yoose be anakû be baiŋi yoose be neifi dorgi giyalan boode / sindaha. sithen-i yoose be inu anakû be / baiŋi yoose be neifi eteku jaka be hûlhamе gаifi. da // an-i yooselafi anakû be an-i bade seme alhabi. / ubabe getukeleme / Boo looye de donjibume boolafi / wesihûn beye meni kuren de jifi kimcime tuwafi. adarame / icihiyaci acara babe fonjime icihiyarao. erei jalin gingguleme boolaha.// (A 146 mss)

«Письмо главного ламы Иакинфа, поданное господину Боо (= Бао), управляющему делами Русского подворья. Сообщаю о том, что [произошло] в 30-й день 6-ой луны. После того как меня известил второй лама Аркадий, я с тремя учениками и человеком, помогающим читать писание по имени Пи, пошли в Северное главное здание. Придя туда на закате солнца, [увидели], что имеются следы воров, проникших сквозь окно моего дома. После тщательного осмотра [мы установили], что окно было сначала открыто, а затем затворено как обычно, и задвижка была вновь вставлена. Отмычка от замка во внутренние покои дома была взята, и после этого замок был отперт и открыты внутренние комнаты дома. Также, после того как [воры] нашли ключ, [они] вскрыли замок ларца. Взяв отмычку и открыв замок, [они] украли одежду и вещи. Заперев как обычно, [повесили] замок на место. Это все почтительно довожу до сведения господина Боо. Прошу вас приехать в наше Подворье и, внимательно все изучив, исправить, расспросив всех как следует. Ради этого почтительно доношу.»

Далее следует список украденных вещей из восьми пунктов. Это письмо Бичурина ценно для исследователей его жизни и историков миссии в связи с тем, что оно раскрывает и степень участия

Лифаньюань в жизни подворья, и формальное знание главой 9-ой миссии маньчжурского языка. Несмотря на то, что письмо написано с ошибками,² оно подтверждает, что Бичурин владел маньчжурским языком для общения с вышестоящей китайской администрацией, несмотря на общепризнанное мнение о том, что он не знал маньчжурский язык и занимался исключительно китайским языком.³ Наличие этого письма среди документов миссии можно объяснить тем, что это черновой вариант, и в нем есть исправления. Чистовой, переписанный текст был отдан китайскому представителю, а черновик остался дублетом документов, направляемых в китайскую администрацию.

Несколько писем по хозяйственным вопросам Пекинской духовной миссии в Палату внешних сношений хранятся среди копий различных документов под шифром С17 mss (Волкова I: 221). Все они касаются жизнедеятельности 10-й миссии (1820-1831), возглавляемой архимандритом Петром Каменским. Всякие хозяйственные изменения на территории подворья глава миссии должен был согласовывать с Палатой внешних сношений. Например, записка в Лифаньюань в 1830 г. о планируемых строительных работах:

Oros gurun-i da lama Piyeter-i bithe. tulergi golo be dasara jurgan de gingguleme aliburengge. meni kuren-i julergi hūwai wargi ashan-i boo-i emu giyalan be jafafi duka obure. tinggin-i julergi bakcilara duka-i durun halara jalin. meni kuren-i julergi hūwai wargi ashan-i boo-i amargi de morin-i horigan be weileki sere turgunde. tere julergi hūwai julergi fu ci deribume wargi ashan boo-i uju giyalan be duka halame obuki seci. tinggin-i julergi bakcilara duka-i doro be halame. huwejengge [sic] duka nonggime ararade. teni meni niyalma de tusa bi sere anggala kuren-i doro be ele dasatame sain de isibumbi bahaci.

wesihun jurgan tere juwe duka be arame weilebureo. ere jalin gingguleme alibuha. Doro eldengge-i juwanci aniya anagan-i duin biya. (С17 mss. Тетр.1, с. 29-30)

«Почтительно поданное прошение в Палату внешних сношений от русского главного ламы Петра относительно перестройки южных ворот напротив канцелярии и постройки въездных ворот в переднем дворе нашего подворья у западных служебных помещений. Поскольку мы хотим построить конюшни позади западных служебных

² Пан Т. А. «Неизвестное письмо Иакинфа Бичурина на маньчжурском языке.» *Altaica* II, Москва, 1998, с. 117-123.

³ Отдельный оттиск из журнала *Православный Собеседник* за 1886 г. «Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд)», с. 48; Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. Москва, 1977, с. 92.

помещений переднего двора нашего подворья, то необходимо сделать проезд у первого помещения западных служебных построек, начиная от южной стены переднего двора. Изменяя проем у ворот, находящихся напротив канцелярии, мы расширим разваливающиеся ворота. Кроме того, что это будет удобно для наших людей, вся дорога в подворье будет обновлена и починена.

Прошу разрешения у Высшей палаты на постройку этих двух ворот. Ради этого почтительно представлено в 4-ый дополнительный месяц 10-го года правления Доро элдэнгэ (22 мая-19 июня 1830 г.)»

Как известно, Кяхтинский трактат 1728 г. закрепил статус и порядок содержания в Пекине Российской Духовной Миссии. Каждая миссия в основном финансировалась российским правительством. Так, например, 10-я миссия Каменского, состоявшая из 10 человек, имела ежегодное содержание 16 250 рублей серебром. Тем не менее, с китайской точки зрения члены миссии находились на службе императора, и в разное время существования миссии ее члены получали китайский чиновничий ранг. Более того, сверх русских денег им прибавлялось 855 рублей ежегодно, ежемесячная порция риса и деньги на одежду.⁴ Эта символическая сумма для цинской администрации имела важное политическое значение, т.к. ею подчеркивалось соблюдение даннического этикета в отношении с Россией. Деньги на одежду следовало использовать на пошив китайского платья, в котором члены миссии должны были в случае надобности выходить на улицы Пекина и не привлекать внимание китайцев.⁵ По этому поводу сами члены этой миссии писали в Синод в 1824 г. «Иностранец в Китае есть редкость и диковина. И потому куда бы он ни показался в одеянии своем, везде будет служить зрелищем народу и образцом варвара. Посему [...] нашли необходимо нужным, во избежание таковых препятствий, подбривать головы и бороды и, выходя со двора, надевать китайское платье».⁶ Среди маньчжурских документов Рукописного отдела есть

⁴ Тимковский Е. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. Санкт-Петербург, 1824. Ч. 1, с. 7-9. В отдельном оттиске *Православного Собеседника* за 1886 г., с. 44, указываются другие суммы затрат Российского правительства на Пекинскую миссию.

⁵ Widmer E. *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking During the Eighteenth Century*. Cambridge & London, 1976, p. 101.

⁶ Шаталов О. В. «Архимандрит Петр (Каменский)». *Исторический вестник*. Москва & Воронеж, 2000. № 2/6, с. 217, сноска 27. Это замечание интересно в том плане, что обычно Русская Православная церковь очень строго относится к одежде священнослужителей. В данном случае члены миссии следовали примеру иезуитов, носивших китайское платье соответствовавшее их служебному рангу при цинском дворе.

докладная записка архимандрита Каменского в Палату внешних сношений с просьбой о деньгах на одежду:

Oros gurun-i da lama Piyeter-i bithe. tulergi golo be dasara jurgan de gingguleme aliburengge / fe kooli sonkoi-i ilan aniya jaluka manggi. etuku-i menggun bahabure jalin. oros gurun-i / lama sa tacikûi juse gemun hecen de tefi. biyandari kunesun menggun bele jergi jaka ci tulgiyan fe / kooli sonkoi ilanda aniya etuku endu-i menggun bahambi. ere aniya oci ilan aniya emgeri jaluka / bahaci. wesihun jurgan de gingguleme baime yabubufi. meni lama sa tacikûi juse de etuku-i / menggun kanggareo [sic]. erei jalin gingguleme. wesihun jurgan de alibuha. Doro eldengge-i uyuci aniya juwan biyai ice sunja. (С 17 mss. Тетр. 4, с. 29)

«Почтительно поданное прошение в Палату внешних сношений от русского главного ламы Петра [с просьбой] о получении денег на одежду по истечении трех лет в соответствии со старым правилом. В соответствии со старым правилом проживающие в столице русские священники и ученики, кроме ежемесячных кормовых денег и зерна, по истечении третьего года получают деньги на одежду и платье. В этом году уже истекает третий год. Почтительно посылаю сообщение в Высшую палату с просьбой о деньгах на одежду для моих священников и учеников. По этому поводу подано в Высшую палату в 5 день 10 луны правления Доро элдэнгэ (1 декабря 1829 г.)»

Доход миссии был и с аренды имеющихся помещений и земли. Поскольку китайское правительство считало, что миссия находится на их финансировании, то она должна была сообщать в Лифаньюань обо всех деньгах, полученных на территории Китая. Так, например, недатированное сообщение Каменского в Лифаньюань:

Oros gurun-i da lama Piyeter-i bithe. tulergi golo be dasara jurgan de gingguleme aliburengge. / meni oros-i turigen jiha gemu ton-i songkoi alime gaifi bargiyaha be boolara jalin ere aniya jakûn biyai juwan / juwe de meni usin be tarire de Lio Yong Šun meni kuren de dosifi. Doro eldengge-i jakûci aniya-i edelehe meni usin turigen-i gemun hecen-i jiha susai ilan minggan duin tanggû jakûnju ninggun fali Doro eldengge-i uyuci aniya-i turigen-i jiha duin tanggû orin emu minggan susai fali be. gemu ton-i sonkoi mende afabuha be / ere hacin-i jiha bargiyafi Dong an hiyan-i harangga irgen Lio Yong Šun de. meni usin-i turigen-i / edelehe jiha gemu bargiyaha seme araha bithede meni gurun-i hergen-i Wei lama-i gebu arafi. ini temgetu / gidafi temgetu obure jalin afabuhabi hujufi gûnici. wesihun jurgan ere emu baita-i jalin giyan be / afafi tondoicihiyafi. gorokon-i niyalma be karmame kesi isibuha be mujilen de tebufi

umesi hukšemi. / te ere hacin-i usin-i turigen-i jiha be gemu ton-i songkoi ganafi bargiyaha be dahame. bahaci // wesihun jurgan de gingguleme boolaki sembi. ere jalin gingguleme alibuha. (С 17 mss. Тетр. 1, л. 16)

«Почтительно поданное представление в Палату внешних сношений от русского главного ламы Петра относительно уведомления о получении в соответствии с правилом всех наших русских денег за аренду. В этом году 12 числа 8-ой луны на наше подворье пришел распахивающий наши земли Ляо Юншу. [Он] передал нам по счету всю арендную плату за 9-ый год Доро элдэнгэ [в размере] 421 тысяча 50 монет и недостачу за 8-ой год Доро элдэнгэ столичными деньгами за аренду пашен 53 тысячи 486 монет. Мы эти деньги приняли. Приняв все эти недостающие деньги от вышеупомянутого человека Ляо Юншу из уезда Дун-ань-сянь, лама Вэй написал расписку на нашем языке, подписал ее и, поставив печать, вручил [ему]. Почтительно склонив голову, думаем, что Верховная палата, производя надзор над этим делом, управляет беспристрастно. [Мы] очень благодарны за сердечную заботу, оказанное благодеяние и покровительство людям издалека. Поскольку получена вся арендная плата, принесенная в соответствии со счетом, то [об этом] почтительно уведомляем Верховную палату. Ради этого почтительно подано.»

Как уже указывалось выше, Десятая Пекинская миссия возглавлялась архимандритом Петром Каменским, его помощником был назначен иеромонах Вениамин Морачевич. В нее также вошли иеромонах Даниил Сивиллов, иеродьякон Израиль Веретельников, причетчики Николай Вознесенский и Алексей Исаков, к которым позже присоединился А. Сосницкий. При миссии находилось 4 студента—Осип Войцеховский, Захарий Леонтьевский, Кондрат Крымский и Василий Абрамович. В обязанности членов миссии входило «а) богослужение, проповедование, перевод обедни, воспитание албазинцев[...] б) труды ученые, распределение учения, переписка с иркутским губернатором и с учеными обществами, выбор и покупка книг [...], а также переводы, сношения с китайцами, средства для знакомства и связей, образ жизни, меры осторожности, внутренний порядок, распределение должностей, совет миссии, поощрения и т.п.»⁷ Большое внимание уделялось изучению китайского и маньчжурского языков, и в этом значительных успехов добились сам архимандрит Петр, Захар Леонтьевский, Осип Войцеховский и Даниил Сивиллов. Их переводы с

⁷ Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. Москва, 1977, с. 128.

маньчжурского выполнены на высоком научном уровне и до сих пор используются историками.⁸

Некоторые члены миссии преподавали в Пекинской школе русского языка при Государственной канцелярии. Эта школа находилась под совместной юрисдикцией Государственной канцелярии, которая занималась переводом официальной корреспонденции с иностранными государствами, и Палаты внешних сношений, ответственной за отношения с Россией. В связи с этим школа администрировалась двумя китайскими чиновниками, а преподаватели из русской миссии языка являлись ассистентами. Как показал Дж. Стари, основываясь на документе из музея Национального дворца в Тайбэе, эта школа была открыта в период Канси в промежутке между 1707 и 1719 г.⁹ с целью создания собственных кадровых переводчиков для переписки и переговоров с Россией. Ее учениками были восьмизнаменные маньчжуры и китайцы. Студенты подвергались ежемесячным, ежеквартальным и ежегодным экзаменам, но решающим был экзамен после пяти лет обучения.¹⁰ Это давало хорошую возможность продвижения по службе, в конечном счете, получение места в Палате внешних сношений или в приграничных с Россией районах.¹¹ Процесс перевода цинских документов в Китае на русский язык частично отражен в письме чиновника Цао Чжэнюна от 1828 г.:

Aliha bithei da amban Zoo Jeng Yong sei gingguleme wesimburengge. baicara mudandari / monggo jurgan ci oros sanat yamun de bithe yabubure de gemu amban meni baci / yabubure bithei jise be banjibume arafi tuwabume ibebufi dergici tuwafi / tucibuhe manggi / dorgi yamun de arabufi. kooli songkoi manju oros ladino ilan hacin-i / hergen arabufi. monggo jurgan-i doron gidabufi / giyamun deri kuren de unggifi ulame / isibubuha bihe. / jakan monggo jurgan ci gemun hecen de tehe oros Weiniyaming alban-i tacikûi juse be tacibuhangge kiceme faššaha ofi. oros gurun de afabume / yabubufi. ceni gurun ci acara be tuwame huwekiyebure jalin wesimbuhede / hese gisurehe songkoi obu shebe gingguleme dahafi. amban be onggolo icihiyaha songkoi // sanat yamun de yabubure bithei jise be banjibume arafi. tuwabume ibubuhe. / dergici

⁸ История ответственного востоковедения до середины XIX века. Москва, 1990, с. 268-270.

⁹ Stary G. «A Manchu Document Concerning Russian Teachers of the Manchu Banner 'Russian Company'.» *Central Asiatic Journal* 43/1 (1999), с. 140-146. П. Е. Скачков в *Очерках истории русского китаеведения* (с. 37) дает другую дату открытия школы—1725 г.

¹⁰ Widmer E. *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking During the Eighteenth Century*. Cambridge & London, 1976, p. 106

¹¹ Meng Ssu-ming. «The E-lo-ssu kuan (Russian Hostel) in Peking.» *Harvard Journal of Asian Studies* XXIII (1960-1961), с. 39-46.

tuwafi wasinjiha manggi. an-i harangga yamun de afabufi icihiyabuki. erei jalin / gingguleme wesimbuhe seme. doro eldengge-i jakûci aniya nadan biyai ice ilan de / wesimbuhe hese gisurehe songkoi obu sehe. (С 17 mss. Тетр. 1, с. 21-22)

«Управляющий придворной канцелярией министр Цао Чжэнюн и другие почтительно докладывает. Всякий раз, когда отправляются бумаги в канцелярию русского Сената из Монгольского приказа, все чиновники нашего Приказа составляют бумаги и письма, которые подаются на рассмотрение и рассматриваются государем. После рассмотрения передаются во Внутреннюю канцелярию государя и в соответствии с законом составляются на маньчжурском, русском и латинском языках. Затем в Монгольском приказе ставится печать и [бумаги] пересылаются по почтовым станциям. С недавних пор проживающий в столице русский Вениамин из Монгольского приказа является усердным и внимательным. Почтительно следуя указу, [он] старательно просмотрит отправляемые в Россию бумаги на соответствие с их государственным [этикетом]. Как и с ранее отправленными чиновниками, бумаги и письма, направляемые в Сенат, будут поданы на рассмотрение и государем рассмотрены, а затем должны быть вновь переправлены в вышеуказанную канцелярию. Ради этого почтительно доложено в 3-ий день 7-ой луны 8-го года Доро элдэнгэ (13 августа 1828 г.). Исполнить в соответствии с указом.»

Упомянутый в этом документе Вениамин Морачевич, член 10-ой и начальник 11-ой миссии, преподавал русский язык в школе с 1825 г. Первыми учителями этой школы были Кузьма и Яков Савин, которые работали в ней более 16 лет примерно до 1720 гг.¹² После них в ней работали О. Дьяков, А. Леонтьев, А. Владыкин. Эта школа также связана с именем Иллариона Россохина, который преподавал в ней с 1735 по 1741 г. и перевел на маньчжурский язык *Грамматику русского языка* Смотрицкого. Члены Православной миссии, служившие в китайской Палате внешних сношений получали зарплату (например, оклад Россохина составлял 40 лян)¹³ и определенный чин. Если упомянутые студенты миссии известны как одни из лучших знатоков маньчжурского языка, который в первой половине 18 века был широко распространен в Пекине, то о языковых способностях Морачевича имеются противоречивые сведения. П. Е. Скачков пишет: «Вениамин Морачевич, пробывший в Пекине два

¹² Stary G. «A Manchu Document Concerning Russian Teachers of the Manchu Banner 'Russian Company'.» *Central Asiatic Journal* 43/1 (1999), с. 146.

¹³ Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. Москва, 1977, с. 41.

десятилетия (1820-1840), занимался китайским языком неохотно. «Ученые или по крайней мере учебные занятия он не считал своей обязанностью и в течение десяти лет не мог прочитать с учителем «Четырехкнижия» на китайском языке. О других книгах он не имел понятия»—свидетельствует Честной. Очевидно, он все же владел разговорным китайским языком [...]»¹⁴ Более того, отношения Вениамина Морачевича, как главы 11-ой миссии, с его подчиненными были крайне сложными. А. Честной писал, что Морачевич «сам отвратил от себя всех, частью своим невежеством, а еще более вздорным и суматошным своим характером».¹⁵

Тем не менее, китайское правительство относилось к Морачевичу более чем благосклонно и это видно из характеристики, данной Палатой внешних сношений в письме в русский Сенат:

Amba Daicing gurun-i tulergi golo be dasara jurgan-i bithe. oros-i sanat yamun de unggihe./ yabubure jalin suweni gurun-i gemun hecen de tehe oros Weiniyaming onggolo alban-i tacikûi juse be / aisilame tacibuhangge kicime faššaha bime. te suweni gurun ci Weiniyaming be jai emu idu bibuki / seme baiha babe. hesei emgeri yabubuha be dahame Weiniyaming be an-i oros tacikû de / alban-i tacikûi juse be aisilame tacibubuha. meni gurun-de umai huwekiyebure ba akû gyan-i suweni / gurun ci acara be tuwame huwakiyabuci acambi. ubabe meni jurgan ci emgeri yargiyan be jafafi / wesimbuhede. hese gisurehe songkoi obu sehebe gingguleme dahafi. erebe oros gurun-i sanat yamun de / yabubufi. baicame icihiyabureci tulgiyen suweni gurun ci adarame Weiniyaming be huwekiyebure babe. kemuni karu bithe banjibuki. erei jalin unggihe.//

«Письмо, посланное в канцелярию русского Сената из Палаты внешних сношений Великого государства Дайцин. Письменно довожу до сведения, что проживающий в столице подданный вашего государства русский Вениамин ранее проявил себя усердным и старательным ассистентом преподавателя казенных учеников. Теперь вашего государства Вениамин просит остаться на второй срок [преподавания]. Следуя изданному указу, пусть Вениамин по-прежнему помогает преподавать казенным студентам в русской школе. В нашем государстве нет возможности поощрить [его], пусть он по достоинству будет вознагражден в соответствии с [правилами] вашего государства. Об этом деле докладываем из нашей Палаты на основании достоверных фактов. В соответствии с законом почтительно исполнив, кроме этого повелеваю рассмотреть и направить это [дело] в канцелярию русского Сената и сообщить ответом на это

¹⁴ Скачков П. Е. *Очерки истории русского китаеведения*. Москва, 1977, с. 145.

¹⁵ Скачков. Там же, с. 142.

письмо, каким образом будет вознагражден Вениамин. Для этого послано.»

Известно, что Морачевич начал преподавать в 1825 г., а начало второго срока приходится на 1830 г. и связано с тем, что он остался в Пекине в качестве главы следующей 11-ой миссии, и этот документ можно датировать 1830 годом.

К 1820 г. по мнению Тимковского Пекинская школа русского языка при Государственной канцелярии находилась «в дурном положении. Стоит взглянуть на перевод, сделанный маньчжуром с своего языка на русский, и первые строки докажут, что в таких переводах не соблюдается даже начальных правил Грамматики: все составляется по прежним образцам, по бумагам, присылаемым из России».¹⁶ В другом месте Тимковский пишет: «Мая 5. (1820 г.— Т. П.) Учитель Пекинской Русской школы, Шумин, приходил к Студенту Сипакову с просьбой дабы он перевел на Российский язык с Маньчжурского отношение из Палаты иностранных дел на имя Российского Сената, о произведенной перемене Пекинской Миссии. Бумага сия на Латинский язык переведена Португальским Миссионером Гау. С перевода г. Сипакова я взял список для предоставления онаго высшему Начальству. Члены Миссии, сохраняя связь с означенною Школой русского языка, могли бы извлекать из того пользу.»¹⁷ Трудно сказать насколько изменилась ситуация в этой школе в тот период, когда в ней преподавал Морачевич.

Одним из обязательных пунктов деятельности миссии было проповедывание православия и работа с албазинцами. Информация об этом имеется только на русском языке. Насколько известно, служба в церквах до середины 19 века проводилась на славянском языке,¹⁸ однако первые переводы молитв на китайский язык были сделаны иеромонахом Даниилом Сивилловым, членом 10-ой миссии. Тем не менее, в маньчжурском фонде есть несколько тетрадей с маньчжурско-китайскими упражнениями в переводе священных текстов с русского языка на маньчжурский.¹⁹ На обложке одной из них упоминаются имена членов пекинской миссии Н. С. Парышева и З. Ф. Леонтьевского. В фонде также имеется копия «Библии» в

¹⁶ Тимковский Е. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. Санкт-Петербург, 1824. Ч. 2, с. 73.

¹⁷ Тимковский. Там же, часть 1, с. 285.

¹⁸ Ивановский А. «Богослужбные книги Православной церкви на китайском языке.» *Китайский благовестник* 2000/2, с. 117.

¹⁹ Волкова М. П. *Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР*. Москва, 1965, № 52-55.

переводе на маньчжурский язык, выполненном иезуитом Пуаро.²⁰ Каждая тетрадь имеет запись на русском языке, что копия была лично проверена архимандритом П. Каменским в период с 1825 по 1827 гг. «Новый завет» был переведен на маньчжурский язык С. Липовцовым в 1830-х годах по заказу Британского Библейского общества и напечатан в Санкт-Петербурге.²¹ Однако эти книги членами миссии во время служб не использовались.

Выше приведенные документы о жизни Пекинской миссии на маньчжурском языке характеризуют ее хозяйственную сторону и отношения с китайской администрацией. Их не очень много и некоторые из этих продублированы по-китайски. В исторической литературе эти маньчжурские документы нигде не упоминаются и могут быть интересны для изучения внутренней, повседневной жизни Пекинской миссии.

²⁰ Pang T. A. *Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences*. Issue 2. Wiesbaden, 2001, № 396.

²¹ Walravens H. «Christian Literature in Manchu. Some bibliographic notes.» *Monumenta Serica*. Journal of Oriental Studies. Vol. XLVIII, 2000. Ed. By Roman Malek. Sankt Augustin, 2000, p. 447-449.

